

УРКВАРТ РОЙХО

Пролог

Империя Оствер. Замок Ройхо. 15 декабря 1400 года

Сезон штормов в холодном Ваирском море в этом году начался как обычно. Серые морские волны накатывались на северное побережье материка Эранга, а сильный шквалистый ветер, атаковавший стоящий на высокой гранитной скале замок, бросал на каменные стены древнего укрепления графов Ройхо клочья грязно-бурой морской пены. При всем при этом температура воздуха постоянно понижалась, и стражники родового дворянского гнезда, несущие службу у ворот или на одной из шести башен, кутались в тяжелые утепленные плащи и прятали лица под масками из тюленьей кожи с тканевой прокладкой внутри.

Вроде бы все было как всегда: очередная зима и еще один шторм. Но если раньше испытанные воины графа, которым в суровую погоду нечего было бояться, несли зимнюю службу по охране отдаленной твердыни империи Оствер спустя рукава, то с недавних пор даже плохая погода не давала им расслабиться.

Граф Квентин Ройхо, один из самых знатных имперских дворян-остверов и одновременно с этим один из самых бедных, поссорился с могущественным и влиятельным герцогом Григом. Это было серьезно и грозило огромнейшими неприятностями непокорному графу, а потому все его немногочисленные вассалы и воины были настороже и готовились к возможному нападению на замок. И хотя бойцов у Квентина было мало, всего полторы сотни, каждый из них стоил десятка, ибо являлся ветераном целой череды пограничных сражений и кровавых битв, а припасов в замке на мощной скале имелось столько, что он мог выдержать не одну долговременную осаду.

Люди ждали нападения уже три недели, и герцог сделал свой шаг. Однако в дело вступили не клинки и копья, а магия. Сын и наследник графа, пятнадцатилетний Уркварт, гостил у дальнего родственника и старого друга семьи барона Арьяна. В связи с тревожной обстанов-

кой он был срочно вызван домой, но при въезде в замок внезапно потерял сознание, упал с лошади и погрузился в кому.

Чародей графа, боевой маг Ангус Койн, был бессилён что-либо сделать и вернуть молодого Ройхо к жизни. Но сегодня, слава Пресветлым богам, в первую очередь Бойре Целительнице и Ярину Воину, он нашел способ, как излечить парня. Каждый воин это знал, потому что они были не просто слугами, а в первую очередь боевыми товарищами графа Квентина, и слухи между ними распространялись со скоростью лесного пожара.

И вот, пока стража несла свою службу, на вершине самой высокой башни замка, в уютной теплой комнате, которую занимал маг Ангус Койн, находились три человека. Первый — сам хозяин помещения, приземистый, косматый русоволосый крепыш средних лет в простых домотканых штанах и шерстяном свитере, больше похожий на наемника или разбойника с большой дороги, чем на мага. Второй — граф, стройный и подтянутый брюнет с седой прядью в волосах, носом с горбинкой и ясными синими глазами, в легком сером камзоле и таких же, как у мага, штанах, заправленных в высокие черные сапоги. Третьим был сын графа, Уркварт Ройхо, невысокий бледный мальчишка в длинной белой рубашке, который пластом лежал на широкой кровати мага без всякого движения, и только его прерывистое дыхание говорило о том, что жизнь еще теплится в нем.

С высоты своего роста мужчины с тревогой смотрели на паренюка и полусшепотом вели разговор.

— Григ, сволочь! Как же он умудрился сына достать? — произнес граф. — Ведь у него был защитный амулет.

— Дружинники говорят, что сразу за замком Арьяна на дороге лежал красивый кинжал, — ответил маг. — Уркварт прыгнул с лошади и подобрал его, а на рукоятке был шип, который уколол его. Видимо, некое заклятие, которое сработало, как только парень въехал в родные стены. А амулет, хоть и надежный, не помог, потому что человек сам взял в руки зло.

— Где этот кинжал сейчас?

— Его нет, и охранники не знают, куда он делся.

— Значит, разум сына уже не восстановить?

— Да, его душа и разум навсегда покинули мир живых. И только тело, по привычке, все еще цепляется за жизнь. Но это ненадолго.

— Но ты же сказал, что Уркварта можно поставить на ноги!

— Сказал, потому что я не мог оставить твою супругу без надежды и должен был с тобой поговорить.

— Это да, Катрин не переживет смерти своего первенца, а твои слова придали ей сил. Однако что ты скажешь своей се-

стре завтра? Или, может быть, ты сделаешь из Уркварта ходячую мертвую игрушку, которая станет, словно марионетка, махать руками и говорить несколько заученных фраз?! Так я этого не позволю!

Маг задумался, посмотрел на камин, в котором жарким пламенем полыхали дубовые дрова в смеси с тюленьим жиром, тяжело вздохнул и произнес:

— Нет, сделать ходячего мертвеца я не могу, и ты это знаешь. Однако от твоего прапрадеда остался один хитрый артефакт, который называется «Ловец душ», и с помощью него я могу провести обряд перемещения одной личности в Уркварта.

— Что это за обряд?

— Ты в курсе, что наша планета не является единственной?

— Конечно. Все же я целый год, пока не сбежал, отучился в Академии магии и колдовства и про параллельные миры слышал.

— Так вот, твой предок по старым свиткам создал кристалл, который способен пробивать нематериальные тоннели в иные миры. На другой планете «Ловец душ» создает сферы разума, которые притягивают к себе ближайшее живое разумное существо и копируют все его воспоминания, эмоции и порывы души. Затем эти копии можно перебрать и одну из них пересадить в чистое тело, такое, какое мы видим сейчас перед собой.

— И что дальше? Зачем мне чужой человек в теле моего сына?

— Ну, сам подумай. Он будет жив и здоров, и его можно заставить делать то, что нужно хозяину кристалла. Катрин увидит, что сын жив и здоров, и успокоится. А герцог Григ, которому мы не должны показать слабину, узнает, что его подлый удар не достиг цели. Кроме того, разум иного человека не отменяет того факта, что в теле парня твоя кровь, древняя и весьма ценная. И подобной кровью разбрасываться нельзя, ты это понимаешь не хуже меня.

— А если пересадить в сына разум одного из моих людей?

— Я такого способа не знаю. Наверняка он есть, но мне про него ничего не известно.

— Ну, допустим, что я соглашусь с тобой и разрешу использовать тело для вселения копии. Однако что мне делать дальше с этим... — Граф помялся и выдавил из себя: — Существом?

— Если мы переживем эту зиму и весну, и герцог нас не уничтожит, то ты отправишь его подальше от замка, например, в какой-нибудь захудалый военный лицей, а наследником объявишь второго сына. Вот и все. В итоге Уркварт Ройхо если и погибнет, то вдали от дома и не на глазах матери.

— У меня есть время, чтобы обдумать твое предложение?

— Час, не больше, а затем тело Уркварта начнет умирать и процесс вселения копии в него станет невозможным.

Квентин Ройхо представил себе глаза супруги Катрин, урожденной баронессы Койн, которые встретят его умоляющим взглядом и немым укором. И он подумал о том, что она опять обвинит его в непомерной гордости и несдержанности, и решил, что лучше опыт по пересадке копии человека, чем горе любимой женщины, ее слезы и страдания.

— А что будет с тем, с кого сфера разума снимет копию? — спросил граф.

— Ничего. Он продолжит жить прежней жизнью.

— Сколько сфер ты закинешь?

— Полтора десятка на весь сопредельный мир; на большее у артефакта не хватит энергии, а у нас времени. После этого полчаса на выбор личности и вселение. К утру мы будем иметь полноценного разумного человека, с которым можно договориться, а заодно и узнать от него что-то о другом мире, ведь изначально артефакты типа «Ловца душ» создавались именно для этих целей.

— Ладно, начинай, — согласился Ройхо. — Все равно хуже уже не будет, а правду будем знать только мы двое. Может быть, хоть что-то с этого получим. Хотя я своего сына уже похоронил, и герцог за его смерть ответит. Клянусь!

Глава 1

Ингушетия. Хребет Корилам. 15 декабря 2006 года

Мой девиз прост: «Жизнь должна быть интересной и насыщенной. А иначе на хрена она нужна?» С самого раннего детства, после прочтения «Трех мушкетеров», это стало для меня руководством к действию. И первым серьезным самостоятельным шагом в моей жизни накануне двенадцатого дня рождения стал побег из дома и недельные скитания по лесу, которые многому меня научили. В частности тому, что не все окружающие мою скромную персону люди понимали и принимали как данность мои поступки.

Во-первых, это затрагивало родителей — мать, простую домохозяйку, у которой помимо меня еще трое детей, и отца, крановщика в порту нашего родного Новороссийска. Во-вторых — милицию и спасателей, вынужденных по предгорьям, лесам и виноградникам вокруг города искать сопляка, который оставил записку, что он отправляется на поиски приключений, и ушел в лесные дебри.

Кроме того, я усвоил, что без соответствующей туристской подготовки, а также пищи, воды, спичек и ножа, в зеленке, даже летом,

подростку делать нечего. И вообще, мне крупно повезло, что меня быстро нашли, а потом не отправили на обследование к какому-нибудь психотерапевту и он не исколол меня успокаивающими препаратами.

Таков был мой первый опыт насыщения своей жизни приключениями. И получив ремнем по заднице от отца и огромный поток слез от матери, на время я затих. Школа, учеба и игры с товарищами — все как у всех. Но при этом я думал о новых вылазках на природу и о том, как лучше к ним подготовиться.

Так что вскоре я стал посещать туристский кружок, а за ним и стрелковый. Потом записался на бокс, освоил верховую езду и немного понырять с аквалангом. И так Леха Киреев — кстати сказать, это я, — более или менее спокойно дотянул до 2003 года и полных шестнадцати лет.

Я раздался в плечах и подрос, отрастил шикарные длинные черные волосы, которые зачесывал назад, и подкачал мускулатуру. Никаких особых успехов в спорте и учебе я не достиг, но и на последних позициях не стоял. В лидеры никогда не лез, однако и в обиду себя старался не давать. В общем, крепкий середнячок со своими думками в голове и жизненными приоритетами.

И в это время я познакомился с черными копателями — парнями, которые бродили по лесным чащобам и горам с металлоискателями в руках и раскапывали всякое барахло со времен Второй мировой войны. Я тоже приобрел себе прибор, влился в одну нормальную компанию и потратил на это увлечение полтора года жизни.

А закончилось оно в тот момент, когда у одного из моих напарников под лопатой сдетонировала старая немецкая мина. Парню оторвало руки и разбило грудь, и хорошо, что среди нас был врач, который не растерялся, смог оказать раненому первую медицинскую помощь, и мы его вовремя доставили в больницу.

После этого я решил, что надо менять увлечение, а то прибыток с него небольшой, а проблем немало. Это и «эхо войны», которое уже немало людей на тот свет спроводило, и милиция, и братки, пытающиеся нажиться на поисковиках, не имеющих надежной крыши, и фээсбэшники-провокаторы, время от времени появляющиеся на горизонте и предлагающие продать выплавленный из снарядов тротил.

Так закончилось мое увлечение поиском, и я, не задумываясь, за треть цены продал металлоискатель и застыл на распутье. Но судьба все решила за меня. Как-то незаметно была окончена школа, поступать куда-то в институт или вуз я не желал, а моя первая любовь, разбив мне сердце, улетела в город Москву.

«Что делать?» — спросил я сам себя. И тут мне пришла повестка в военкомат. Батя на это только хмыкнул, а мать нахмурилась и опеча-

лилась и, наверное, ночью плакала в подушку и просила отца откупить меня от солдатской доли. И что характерно, этот суровый мужчина, бывший морпех, здоровый и плечистый, с мощными кулаками, послушал ее и начал суетиться.

Сначала батя сунулся к районному военкому. Однако город у нас приморский, а значит, деньги в нем водятся, и расценки на отмазу от армии серьезные: пять штук зелени отдай и пока свободен, но без конкретных гарантий того, что тебя не загребут позже.

Отец не имел возможности потратить такую сумму — все же он не миллионер, хотя получал весьма неплохо — и мог бы на этом успокоиться. Но у него были знакомые, которые имели других знакомых. И выйдя на дамочку из рядовых гражданских служащих военкомата, которая за четыреста баксов изничтожила в архиве мое дело и подчистила запись в компьютере, он, таким образом, отмазал меня от армады.

Однако при этом никто не поинтересовался моим мнением, а я загорелся службой Отечеству и в результате скандала вырвался из дома и сам сдался людям в военной форме и при погонах, которые от такого патриотизма или глупости просто выпали в осадок и минут десять ха-ха ловили.

В общем, я сбрил свои длинные волосы, взял рюкзачок с самыми необходимыми вещами и стал военнослужащим ВС РФ. Из Новороссийска меня сразу же отправили на Краснодарский сборный пункт, и здесь я столкнулся с суровой армейской действительностью, где человек — просто расходный материал.

Меня и еще полторы сотни коротко стриженных восемнадцатилетних мальчишек завели в актовЫй зал, и перед нами появились два капитана и поленький майор, которые объявили, что они набирают солдат для службы по контракту в 10-ю бригаду спецназа ГРУ. Разумеется, я и мои новые товарищи удивились такому раскладу, ведь мы еще даже присягу не приняли. Какой, к чертям собачьим, контракт, да еще на три года, когда нам служить всего полтора, а после этого мы спокойно вернемся домой? Была во всем этом какая-то неправильность.

Однако «покупателей» ничего не смутило, и майор сказал, что ему необходимо пятьдесят человек, и пока он не получит своих людей, из актового зала никто не выйдет.

Я встал со своего места и первым подписался на контракт: захотелось романтики, а спецназ — это круто. За мной последовали еще человек десять, тоже изъявившие желание стать «контрабасами». А вот на то, чтобы набрать остальных, майору понадобилось три часа. Но где угрозам, где уговорам и посулам больших денег и свободы,

он своей цели достиг и нужное количество подписей получил. И уже к вечеру я и мои сотоварищи оказались в «десятке».

С утра началась армейская жизнь. Мы приняли присягу, и нас раскидали по отрядам. Я стал разведчиком и понял, что, подписавшись неизвестно на что, сильно сгруппил. Думаете, виной тому дедовщина? А вот и нет.

В российской армии такое понятие уже в прошлом, поскольку дедовщину вытеснили землячество и дядьковщина. С землячеством все понятно, а смысл дядьковщины в том, что сильный и уверенный в себе человек может посылать старослужащих далеко-далеко и, отстояв свою свободу и мнение кулаками, спокойно продолжать служить Родине. Так что в этом отношении все ровно: разок подрался, получил по голове, сам противнику врезал, и служба пошла.

Меня не устраивали другие разделы армейского бытия. Например, то, что за увольнение в город или за залет необходимо было дать ротному на лапу: мелочь, пятихатку или штуку — разумеется, рублей, — но все-таки деньги. Ведь поскольку контрактник вроде меня не полноценный «контрабас», который может разорвать контракт в любой момент и уехать домой, то на меня и подобных мне парней было легко надавить.

Это один момент, а другой заключался в том, что по плану у подразделения минно-подрывное дело или рукопашный бой, а по факту все три ротные разведгруппы дружно топают на разгрузку КамАЗов с землей. Практически строительный батальон, так что за первые шесть месяцев службы я выбирался на полигон всего пять раз, а все остальное время уходило на караулы, работы, вывоз мусора из офицерского городка, уборку территории и прочие хозяйственные работы.

В общем, перечислять всю чепуху можно очень долго, но я скажу только, что мне это все надоело, и я перевелся в отряд, который скоро должен был отправиться в командировку.

В новом отряде и роте все было немного по-другому, так как подразделение часто посещало горячие точки, хотя уборки территорий и работы с караулами донимали меня, как и прежде. Но это не вина офицеров, а неправильная структура всей бригады, которая состоит из боевых подразделений, но не имеет тыловиков-хозяйственников и отдельной караульной роты.

А в целом, перед командировкой я за месяц получил столько знаний в военном деле, сколько никогда до этого. Тут тебе и мины, и тактика, и боевое слаживание подразделений, и учения на полигоне, и стрельба, и беготня по лесам. Так что можно было сказать, что я понемногу превращался в нормального бойца, не суперспешла, конечно, но и не рядового из стройбата.

И вот наконец-то командировка в Чечню, и наша разведгруппа, семь молодых парней вроде меня и восемь взрослых мужчин, не нашедших себя на гражданке, в составе нашего доблестного отряда прибывает в Бамут.

Полноценные боевые действия как таковые в Чечне давно не велись, хотя небольшие банды духов по горам и лесам шарились, а наша задача состояла в том, чтобы их выискивать. И за полгода нахождения в командировке, с июля по декабрь 2006 года, за мной числилось пятнадцать боевых выходов в среднем по семь дней каждый. Нормально.

Выходишь из лагеря или вылетаешь вертушкой в точку, и начинается поиск. Если встретил боевиков или их базу нашел, вызываешь подкрепление или пару «крокодилов», а нет — и не надо. Нас дома мамы и жены ждут, а у духов тоже семьи, и стрелять ни у кого охоты нет. Такие вот дела.

Командировка подходила к концу. Мы уже начинали паковать вещи, готовиться к смене и возвращению в Краснодарский край. Но неожиданно сверху был сброшен приказ на выход, и наша рота, погрузившись в вертушки, вылетела на прочесывание хребта Корилам. Вроде бы где-то там, возможно, прятался Доку Умаров, и мы его должны были поискать.

Долетели нормально. С трехметровой высоты разведчики десантировались в расщелине у подножия хребта, собрали свои рюкзаки и оружие и полезли на вершину. Густой туман накрывает окрестности, видимость не более четырех метров, груз привычно оттягивает плечи, а мой АКС лежит на полусогнутых руках и, в случае чего, мне остается только снять его с предохранителя, рухнуть на рюкзак и открыть огонь.

Однако воевать на хребте было не с кем. Мы вскарабкались наверх и осмотрелись. Людских следов нет, зато имеется масса живности — косули, которые не очень боятся человека, и кабаны, истоптавшие все вокруг. Слева, когда под порывами ветра изредка рассеивался туман, был виден заснеженный хребет Дзохорилам, а справа извилистой серебристой ниткой по равнине петляла речка Фортанга. Красивые виды. Сделав фотоснимки на память, рота остановилась на ночлег.

Наша тройка, левый боковой дозор группы — бывший мент из ППС с позывным Дубок, бывший начальник птицефабрики Калаш, и я, просто Леха Кир — расположилась на откосе. Саперными лопатками подровняли землю. На звериной тропке, уходящей вниз, построили баррикаду из бревен, на которую пристроили ПКМН. А чуть дальше, перед позицией, поставили МОН-50, провода от которой

подсоединили к подрывной машинке и присыпали листвой. Затем натянули между деревьями четырехметровый брезент и, определив очередность, в какой будем сидеть на фишке, поужинали.

— Вот чем люблю выход, — с набитым ртом пробурчал Калаш, сухопарый тридцатилетний мужчина, поверх камуфляжа натянувший на себя шуршун, — так это за сухпаек. Баночку тушенки умял, и вроде бы сыт. Не то что в лагере: с выхода придешь, а тебе, словно собаке, макароны с червячками и просроченными рыбными консервами дают. Интендант — шкура, на пару с комбатом мутит, а мы отдуваемся.

— Это точно, — поддержал его Дубок, который сидел к нам спиной, возле пулемета, и всматривался в темноту. — Я перед выходом к торговке за сигаретами ходил и у нее видел колбасу, фрукты и печенье, которые Краснодарский край прислал в отряд как гуманитарную помощь. Нам с вами на троих один апельсин, а остальное местному населению продают. Курвы! Мало комбату морду били. Надо будет этого козла еще кумарнуть. Вернемся домой, узнаем, где он живет, контракт разорвем, как собирались, и выцепим гаденыша ночью темной.

— Делать нечего, — проворчал Калаш. — Он же нас застучит, и при его бабках, которые этот полкан на нас нажил, мы точно сядем.

Старшие камрады замолчали, и я поинтересовался у бывшего мента:

— А ты к кому за покупками ходил?

— К тете Розе. А чего спрашиваешь?

— Я машину зампотыла в Асиновской видел, когда с водовозами в охранение ездил, так что подтверждаю свои подозрения.

— Понятно.

Говорить больше было не о чем. За полгода мы обсудили между собой все, что только возможно. Так что, обтерев травой и листвой свою тарелку, я завалился спать. Завтра поиск и к реке за водой сходить придется, а это минимум четыре километра вниз и еще столько же вверх, и значит, силы понадобятся.

Сон пришел сразу, так же как и пробуждение спустя четыре часа. Я сменил на пулемете Дубка и, плотнее закутавшись в камуфляжную куртку, стал всматриваться и вслушиваться в густое туманное марево перед собой. С деревьев падает конденсат, а больше вокруг ни звука, ни шороха. Левее и правее нас еще по одной тройке, а позади — командир группы с радистом.

Сколько уже таких ночей было за этот год? Больше восьмидесяти. И хотя можно расслабиться, делать этого нельзя. Лесная тишина бывает обманчивой, и духи могут бродить где и когда угодно, в этом я еще при первом выходе убедился, когда один из наших парней не выключил прибор ночного видения, который дал отблеск, и тут же